

Говард Филлипс Лавкрафт

Потусторонний

(The Outsider)

Несчастлив тот, кому воспоминания о детстве приносят горечь и страх. Он вглядывается в глубину своей памяти и различает лишь просторные, заброшенные комнаты, темные занавеси, длинные полки, заставленные старинными книгами, или сумрачные рощи гротескных, сдавленных хищными ползучими растениями, гигантских деревьев в могучем и монотонном волнении ветвей. Такой удел боги даровали мне, пораженному, ошеломленному, разбитому. И все же я стараюсь упрямо цепляться за эти сухие воспоминания, опасаясь вторжения неугомонного разума в область... иного.

Я не знал места своего рождения, а только место своего пребывания. Замок, полный зловещих коридоров и переходов, был бесконечно стар и бесконечно ужасен: потолки уходили в зыбкую высь, где глаз распознавал только паутину и колыхание странных теней; каменные плиты в полуразрушенных залах отдавали отвратительной сыростью и непередаваемо тошнотворным запахом, словно бы исходящим от множества трупов, оставленных ушедшими поколениями. Вокруг царила тьма, так что я часто зажигал свечи только для облегчения истомленных глаз, ибо солнца тоже не было: кроны чудовищных деревьев распластались выше стен и выше донжонов. Лишь одна черная башня прорвалась в неведомое небо, но башня, основательно разрушенная — подъем не сулил успеха, разве что удалось бы вскарабкаться по камням отвесной стены.

Я, вероятно, жил сколько-то лет в этом месте, хотя понятие о времени у меня было весьма приблизительное. Кто-то заботился обо мне, но я не могу вспомнить никого, кроме себя, и ничего живого, кроме бесшумных крыс, пауков и летучих мышей. Опекуны мои, полагаю, были чрезвычайно старыми, сморщенными и тлетворными, наподобие древнего замка, впрочем, мог ли я иметь о них иное представление? Самыми обычными и натуральными вещами мне казались кости и скелеты, рассеянные по каменным криптам, по крайней мере более натуральными, нежели цветные изображения живых существ в заплесневелых книгах, из коих я черпал свои познания. Никакой учитель не наставлял меня, и я вообще не слышал звука человеческого голоса во все эти годы, даже своего собственного, ибо у меня не было привычки громко произносить прочитанные фразы. Внешность моя равным образом представляла загадку: в замке не было ни единого зеркала, и я согласовался только с нарисованными в книгах фигурами и лицами молодых людей. Я предполагал себя молодым, потому что помнил очень мало.

Часто я уходил в рощу, пересекая ров с гнилой водой на дне, часами лежал под темными молчаливыми деревьями и размышлял о прочитанном: мне грезилась веселая толпа за горизонтом бескрайних лесов. В поиске солнечного мира я даже попытался однажды выбраться из лесной чащи, но чем дальше продвигался, тем черней сгущались тени, тем плотней насыщалось страхом окружающее пространство, и я отчаянно рванулся обратно, опасаясь сгинуть в лабиринте ночного безмолвия.

В беспрестанных сумерках я грезил и ждал неизвестно чего. И невыносимое

одиночество столь обострило жажду света, что я вскинул умоляющие руки к черной башне, пробившейся вершиной своей в неведомое небо. И решил подняться любой ценой: лучше на мгновение увидеть небо и погибнуть, чем тянуть и тянуть сумрачные годы.

Во влажном и мглистом беззвучии я осторожно ступал по растрескавшейся, выщербленной каменной лестнице, пока не добрался до ее предела — далее наверх вели опоры, торчащие в кладке стены. Зловещей и призрачной пустотой зияло цилиндрическое нутро, где угадывался бесшумный ход летучих мышей; еще более зловещей и призрачной казалась медлительность моего восхождения: темнота вверху не разрежалась, только новый, необычный холод объял меня. Я все же поднимался, но, к моему удивлению, наверху ни малейшего проблеска света, а взглянуть вниз было страшно. Вдруг неожиданно наступила ночь, и напрасно я ощупываю пальцами стену в поисках амбразуры, дабы высунуть голову и оценить достигнутую высоту.

В конце концов после мучительного, жуткого, слепого цепляния и судорожного замирания над проклятой бездной голова коснулась твердой поверхности, предположительно крыши или какого-нибудь настила. Протянутая рука проползла по внезапному препятствию и нашла его каменно-неподвижным. Начался тягостный, смертельно опасный вояж по круговой стене, когда руки и ноги в предчувствии почти неминуемого скольжения ищут любой щели и любого выступа. При малейшей возможности я ощупывал каменный потолок, и наконец ладонь наткнулась на нечто, поддающееся усилию. Использовать руки я не мог, а потому изо всех сил уперся головой и приподнял... крышку люка, вероятней всего. Ухватившись пальцами за каменный край, подтянувшись, я понял, несмотря на отсутствие света, что страшный подъем хотя бы на время окончен, так как предполагаемая крышка люка оказалась, собственно говоря, опускающей дверью, закрывающей вход в просторную сторожевую циркону, что превосходила по диаметру основание башни. Осторожно выбрался, безуспешно пытаюсь воспрепятствовать падению опускающей двери, нет, она-таки грохнулась на свое место, возбуждая зловещее эхо. Впрочем, думал я, обессиленно лежа на каменном полу, при надобности, вероятно, удастся ее снова приподнять.

Рассчитывая, что нахожусь над самыми верхними ветвями проклятого леса, я заставил себя встать и принялся осторожно перемещаться в сторону окон, дабы увидеть наконец небо, луну и звезды, о которых читал в книгах. Но сколь я был разочарован, обнаружив только широкие мраморные выступы, заставленные какими-то продолговатыми ящиками солидного размера. Тщетно я ломал себе голову, зачем они собраны здесь, на такой высоте, на таком расстоянии от замка внизу, и что за странные и древние секреты они хранят? Неожиданно я обнаружил сводчатый проем, закрытый каменной дверью, на которой прощупывался резной орнамент. Поначалу дверь не поддавалась, но крайнее напряжение сил принесло успех — она медленно сдвинулась на меня, внутрь помещения. И здесь настал момент небывалого доселе экстаза: сквозь узорную железную решетку на восходящие от двери каменные ступени разлилось сияние полной луны, которую я ранее видел только во сне или в смутных фантазиях.

Предполагая, что вершина башни достигнута, я принялся подниматься по этим ступеням, но тут же замедлил свой порыв, ибо луну закрыло облако. Тем не менее

осторожным шагом, в темноте, добрался до решетки и нашел ее незапертой. Однако поостерегся открывать, так как меня весьма устарила перспектива падения с такой значительной высоты. И здесь луна воссияла вновь.

Потрясение было демоническим, невероятным до абсурда. Пережитое прежде не шло ни в какое сравнение с тем, что я увидел сейчас. Странное, дикое чудо! А увидел я просто-напросто следующее: вместо ожидаемой сумрачной волны древесных крон за решеткой простиралась... твердая почва, на которой белели мраморные плиты и колонны, затененные старинной церковью, чей сломанный шпиль зловеще поблескивал в лунном сиянии.

Я машинально толкнул решетку и ступил на гравиевую дорожку, что раздваивалась чуть далее.

В мозгу, потрясенном и хаотичном, желание света было, однако, настолько всепоглощающим, что даже фантастичность события не могла меня поколебать. Пусть мой эксперимент был безумием, сном, магией — не все ли равно: любой ценой я должен увидеть свет, веселье, движение. Кто я, что я, что означает окружающее, обо всем этом я не имел понятия, и все же, казалось, поиск велся не совсем вслепую, а возбуждался какими-то смутными, потаенными воспоминаниями. Я миновал плиты и колонны и прошел под аркой в открытую местность, иногда следуя торной дорогой, иногда пересекая луга, где лишь случайные руины намекали на когда-то пролежавший путь. Однажды мне пришлось переплыть быструю реку мимо разрушенных устоев давно исчезнувшего моста.

Часа через два я достиг предполагаемой своей цели — передо мной высились увитые плющом стены. Величественный замок стоял в густом парке, знакомый до боли и тем не менее удивительно странный. Ров был заполнен водой, привычные башни исчезли, появились флигели недавней постройки, — все это смущало и беспокоило глаза наблюдателя. Но более всего поразили и очаровали меня раскрытые окна: они сияли, оттуда доносился шумный, веселый гомон. Приблизившись, я заглянул и увидел причудливо одетую компанию: люди смеялись и оживленно беседовали. Никогда прежде не доводилось мне слышать человеческой речи, и смысл угадывался с трудом. Черты и выражения некоторых лиц что-то очень отдаленно напоминали, другие казались совершенно чужими.

Я переступил через низкий подоконник в светлую, сияющую комнату: увы, только один шаг погасил ослепительную секунду надежды черной конвульсией отчаянья. Итак, едва я переступил подоконник, как безумный, безобразный, неожиданный страх взорвался в зале, искажая всякое лицо, исторгая неслыханный вопль из каждой глотки. Бегство было общим и паническим, некоторые грянулись в обморок, другие, придерживав безоглядное отступление, пытались их вытащить за порог. Многие заслоняли глаза, нелепо кидались из стороны в сторону, опрокидывали мебель, натыкались на стены в поисках спасительных дверей.

Я остался один в блестящих апартаментах и, прислушиваясь к затихающим крикам, задрожал от близости неведомого присутствия.

Поначалу комната показалась пустой, но когда я направился к одной из ниш, мне почудился намек на движение — там, под золоченой рамой дверного проема, ведущего в довольно-таки аналогичную комнату. Приближаясь к нише, я ощутил чуждое присутствие более явственно — и тогда из моего горла в первый и единственный раз вырвался странный и хриплый вой, напугавший меня не менее, чем породившая его причина: оттуда ко мне подступало в полной и устрашающей очевидности нечто непредставимое, неопишное, неслыханное, чье появление превратило веселую компанию в свору обезумевших беглецов.

Трудно определить, что это было: какая-то композиция, вернее, инфернальная смесь отвратительного, зловещего, аномального, ненавистного; гоул в гротескной стадии кошмарной диссолюции, сочащийся гноем эйдолон торжествующего разложения, один из ужасающих монстров, которых милостивая земля обычно скрывает от глаз смертных. Одному Богу известно, было ли существо не от этого мира или более не от этого мира, только к вящему моему ужасу я различил в лохмотьях гниющего мяса, едва прикрывающих кости, жестокую, но узнаваемую пародию на человеческий абрис, что вызвало ледяную судорогу в моем теле.

Почти парализованный, я все же попытался бежать, вернее, отшатнувшись, топтался на месте, что ни в коей мере не нарушало гипноза, в котором держал меня безымянный, безгласный монстр. Мои глаза, скованные взглядом мутных стекловидных орбит, отказывались закрываться, хотя после первого шока пространство несколько расплылось и кошмарная аппаратура виделась менее отчетливо. Постарался заслониться ладонью, но рука, приневоленная бунтующими нервами, едва шевелилась. Впрочем, даже столь слабая попытка лишила меня равновесия: покачнувшись, я шагнул вперед, дабы не упасть. И в этот момент ошеломительно, агонизирующе почувствовал близость неведомого существа, мне даже почудилось его тлетворное дыхание. Почти безумный, почти не сознавая жеста, защищаясь, я вытянул руку — и в ту же секунду по какой-то дьявольской случайности мои пальцы прикоснулись к вытянутой безобразной лапе чудовища, стоящего там, за позолоченной дверной рамой.

Я ли закричал, или дико взвыли призраки, оседлавшие ночной ветер? Мозг затопило бешеным, безжалостным каскадом воспоминаний: в этот момент я понял все, вспомнил замок и деревья, узнал место, где теперь находился.

И самое страшное, узнал монстра, который злобно и ненавистно наблюдал, как я отнимаю запятанные пальцы от его лапы.

Но в космосе столько же бальзама, сколько и желчи. Имя бальзама — непентис, забытье. В напряженности этой секунды распался узел моего страха и черный взрыв воспоминаний разошелся в хаосе подобных, похожих, повторяющихся образов. В галлюцинативном сне я покинул проклятое место, бросился в лунный свет и побежал. Когда миновал церковный двор, белые мраморные плиты и спустился по ступеням, то нашел опускную дверь неподъемной, что не особенно меня опечалило, ибо я ненавидел древний замок и страшную чащобу. И вместе с гоулами — злыми насмешниками — я оседлал ночной ветер и помчался в катакомбы Нефрен-Ка, в таинственную нильскую долину Хадот. Я знал, что свет, лучезарность не для меня, что мое достояние — лунные

блики на каменных склепах Неб, а мое веселье — странные празднества Нитокриса в тени великой пирамиды. И в дикой своей свободе я почти радовался горечи отторжения.

Непентис утолил мои страсти и успокоил меня, аутсайдера: ибо я чужд этому столетию и чужд этим существам, которые пока еще называются людьми. Я понял это, когда протянул руку к позолоченной раме, где стоял монстр, когда мои пальцы коснулись холодной и неуступчивой поверхности зеркала.

Перевод: Евгений Головин

2007 год